

УРБАНИЗМ ИЛИ ДЕЗУРБАНИЗМ? Дискуссия о будущем советских городов

УДК: 72.03

ББК: 85.113(2)

Идентификационный номер Информрегистра: 0421200020\0009

Меерович Марк Григорьевич

доктор исторических наук, кандидат архитектуры, профессор,
член-корреспондент Российской академии архитектуры и строительных наук,
член-корреспондент Международной академии архитектуры.
Иркутский государственный технический университет,
г. Иркутск, Россия

Аннотация

Статья продолжает тему исторической реконструкции советской градостроительной политики в период первых пятилеток и роли архитекторов в процессах формирования среды соцгородов-новостроек. См. в рамках данного тематического цикла в журнале «Архитектон»: Меерович М.Г. Концепция социалистического расселения, Меерович М.Г. Типология массового жилища соцгородов-новостроек 1920-х-1930-х гг.»; Конышева Е.В., Меерович М.Г. «Берег левый, берег правый»: Эрнст Май и открытые вопросы истории советской архитектуры (на примере проектирования соцгорода Магнитогорска), Меерович М.Г. «Эрнст Май: «Рациональное» жилье для России».

Статья основана на анализе широкого круга архивных материалов и других первичных источников. Раскрываются причины возникновения дискуссии и ее официального запрета.

Ключевые слова

соцгород, социалистическое расселение, индустриализация, градостроительная политика в СССР, урбанизм, дезурбанизм

Подготовлено при финансовой поддержке Российской Академии архитектуры и строительных наук (НИИТИАГ РААСН) в рамках темы: «Методология ускоренного проектирования генеральных планов соцгородов-новостроек в период первых пятилеток» № 1.1.3. (2011-2012). По материалам стажировки в Фонде Германна Гензельманна, Германия, Берлин (2011)

Дискуссия о социалистическом расселении – одно из ключевых событий истории предвоенного периода развития советского градостроительства. Наиболее подробно и обстоятельно ее содержание раскрыто в монографии В.Э. Хазановой «Советская архитектура первой пятилетки»[1, С. 374]. Но ни в этом, ни в одном другом научном труде нет исчерпывающего ответа на вопрос: почему дискуссия возникла? Почему была принудительно закрыта? Какую стратегию расселения, в конечном счете, избрала власть? Неизвестны ни причины негативной оценки высшим руководством страны содержания дискуссии, ни мотивы очень выборочного осуждения ее «зачинщиков», ни дальнейшие судьбы ее главных идеологов.

Сначала несколько слов об общей политической подоплеке расселенческой и градостроительной политики советской власти в середине 1920-х гг. Геополитические особенности России – огромная линейно ориентированная территория, значительная неравномерность распределения населения; климатические условия, неблагоприятные для многих видов деятельности; специфика расположения природных ископаемых; поясной, очень неоднородный характер освоенности территорий; различная степень «очагового» характера индустриального развития и многие иные черты ставят перед советским партийно-государственным руководством необходимость формирования новой «пространственной конструкции» страны, способной обеспечить эффективное централизованное руководство.

Осложняющим фактором для формирования единого хозяйственно-экономического пространства

является то, что территория страны весьма неравномерно освоена: интенсивно – в европейской части, экстенсивно – за Уралом, в Сибири и практически не освоена на севере и Дальнем Востоке. Плотность населения меньше 0,5 чел. на гектар, характерная для значительных ареалов страны, означает фактическое их обезлюдивание и, как следствие, угрозу территориального суверенитета. Задача наполнения окраинных территорий страны населением оказывается в прямой связи с вопросами государственной безопасности.

Восстановив к концу 1920-х гг. экономику (за счет использования НЭП), партия и правительство начинают осуществлять иную стратегию, резко и кардинально отличающуюся от дореволюционной. Ее цели заключаются в том, чтобы развернуть в пустующих и окраинных фрагментах территориях страны добычу природных ресурсов и их первичную переработку, сформировать новые промышленные зоны – ядра концентрации пролетариата и, одновременно, центры административного управления обширными прилегающими территориями. А для этого – заполнить эти территории необходимым количеством населения. Аграрная стратегия освоения новых территорий, подобно Столыпинской реформе (1906-1917 гг.), приведшей в движение массы крестьянского населения за счет материальных и психологических стимулов, неприемлема для советского руководства, которое в качестве маховика развития страны избирает тяжелую промышленность, а не на сельскохозяйственное производство, а вместо стимулов сознательно начинает использовать принуждение.

Новостройки первых пятилеток представляют собой «военно-гражданские производства», в которых одновременно в различных пропорциях должна производиться военная и гражданская продукция. Эти предприятия составляют единую централизованно управляемую общегосударственную сеть технологически взаимосвязанных промышленных производств, образующих производственные цепочки. Их размещение является воплощением массивированного восточного дрейфа тяжелой индустрии и энергетики на Урал, в Сибирь, на Дальний Восток – в те районы, куда в тот период, фактически, не способны долететь самолеты вероятных противников. Туда, где имеются значительные лесные и водные ресурсы, крупные залежи полезных ископаемых. Сюда же начинают подтягиваться транспортные артерии и перемещаться трудовые контингенты.

Основным потенциальным источником трудовых ресурсов для создаваемой промышленности является крестьянство. Но для превращения крестьянского населения в индустриальные трудовые кадры необходимо сначала, оторвать его от земли (эту задачу решает программа коллективизации), переместить в существующие промышленно развитые города (эту задачу решает миграционная политика), включить в трудо-бытовые коллективы и «опролетарить» (эту задачу выполняет промышленная и социокультурная политика). А затем в соорганизованном и контролируемом виде перебросить в места возведения новых объектов военно-промышленного комплекса, который рассматривается как маховик развития всего гражданского производства. Из этого вытекают довольно специфические вопросы, встающие в канун первой пятилетки. Они тесно связаны с государственной расселенческой политикой, экономическим и административно-территориальным районированием и, как следствие, сферой градостроительства. Например, каким образом следует членить территорию страны на административные единицы, способные обеспечивать закрепленный за ними фрагмент общегосударственного процесса производства и распределения продукции? По каким принципам осуществлять перемещение населения по территории страны и удержание на новых местах обитания? Каким образом градостроительно воплотить особую социально-организационную роль мест труда в бытовой соорганизации людей, т.е. пространственно и планировочно реализовать коллективные формы быта в тесной увязке их с коллективными же формами организации трудовой деятельности? И многие другие.

С особой остротой все эти вопросы встают в начале первой пятилетки, со стартом программы строительства нескольких десятков городов-новостроек и сотен рабочих поселков подле возводимых промышленных, добывающих, энергетических, транспортных и иных предприятий, способных принять в общей численности около 4,5-5 млн чел. нового населения [2, С. 1010]. Страна начала «строить социализм», но при этом никто не знал, каким, хотя бы концептуально, должно быть «социалистическое расселение», каким должен быть «социалистический город». Без этого невозможно было не только проектировать конкретные генеральные планы будущих поселений, но и планировать выделение объемов финансовых средств и материальных ресурсов, свозить в нужном количестве рабочую силу и оборудование, тянуть транспортные магистрали, строить аэродромы, рыть каналы, перемещать продукты питания, заготавливать спецодежду, тачки, лопаты и т.п.

Какой должна быть оптимальная модель планировочной структуры поселения нового типа – «социалистического города»? Как следует членить селитьбу при промышленных предприятиях, исходя

из военно-мобилизационной и трудо-мобилизационной организации населения? Какая типология «социалистического» жилища способна воплотить новые формы хозяйственно-бытового освоения жилого пространства? Как увязать различные типы зданий в единое планировочное целое? Как за счет градостроительных структур сформировать такую среду обитания, которая отвечала бы задачам социально-политического управления, бытового нормирования и трудового дисциплинирования населения?

Накопленные к началу индустриализации концептуально-теоретические и расчетно-методические знания по проектированию рабочих поселков на 3-12 тыс. чел. оказались не способны дать ответы на целый спектр вопросов, неожиданно остро вставших в связи с задачами строительства городов численностью 50-80-120-200 тыс. чел. Поэтому в этот период теоретическая градостроительная мысль, все более уходя от теряющей актуальность задач проектирования рабочих поселков, сосредотачивает свое внимание на поиске специфических концептуальных основ проектирования поселений, которые кардинально отличаются от рабочих поселков тем, что, помимо значительно большей численности жителей, имеют иную, значительно более сложную и дифференцированную социальную структуру, иной способ комплектования населения (преимущественно принудительный), иную роль в объемлющей административно-территориальной структуре и т.п. Поселений, существующих в специфических условиях государственно-ведомственного финансирования, централизованного лимитированного снабжения строительными материалами и городским оборудованием, плановым, нормативно регулируемым возведением объектов жилья и инфраструктуры, нормированным и лимитированным обеспечением товарами и услугами посредством целенаправленно создаваемой системы обслуживания и т.п.

Кроме этого, возникает необходимость решения ряда задач, которые ранее, при проектировании рабочих поселков, вообще никогда не возникали: а) определение характера трудо-бытовой, учебно-образовательной, социально-культурной и прочих взаимосвязей жилой и промышленной частей города в условиях превращения единичного промышленного сооружения в огромные промышленные зоны с размещением непосредственно в них объектов трудового обучения (школы, фабричные заводские семилетки, втузы, техникумы, фабзавуч и т.п.), объектов рабочего обслуживания (рабочие распределители, заводские столовые и т.п.), досуговых учреждений (заводские клубы и т.п.); б) решение вопроса ежедневных перемещений больших масс рабочих от места обитания к месту работы на расстояния значительно большие, нежели в рабочем поселке, вследствие увеличения размеров поселения, причем, в условиях отсутствия городского общественного транспорта; в) вытекающая отсюда задача формирования рациональной системы транспортировки внутригородских грузов, системы улиц и магистралей в целом; г) выработка приемов внутренней планировочной организации селитьбы в условиях ее неразрывной структурной взаимосвязи с производством; д) определение величины разрыва между промышленной зоной и селитьбой, из соображений максимальной санитарно-гигиенической безопасности и предотвращения загрязнения жилых территорий выбросами промышленных предприятий; е) выработка параметров нормативной плотности населения на га, процента территории под жилую застройку, ее оптимальной этажности; ж) определение принципов и характера административно-управленческого структурирования территории города (значительно выросшей, в сравнении с рабочим поселком, и нуждающейся в расчленении на локальные пространственно-территориальные административные единицы); з) разработка типов жилых зданий, соответствующих особому, «социалистическому», образу жизни и реальной социальной стратификации населения соцгородов; и) формирование типологии сетей общественного обслуживания населения и нормативной пропускной способности входящих в их состав объектов; к) установление характера внешних связей поселения с прилегающими территориями сельскохозяйственного профиля; л) определение роли, места и функции соцпоселения в объемлющей структуре территориально-производственной организации («экономическом районе»); м) формулирование методических и нормативных предписаний того, как соцгород должен планироваться, рассчитываться, проектироваться и проч.

Именно эти вопросы, в большей или меньшей степени, и становятся предметом обсуждения на всероссийской дискуссии о соцрасселении. Почему же, при столь значимой актуальности обсуждавшихся на дискуссии вопросов, она оказалась резко и совершенно немотивированно закрытой? Причем, на самом высоком уровне – начальственный окрик прозвучал 16 мая 1930 г. с немыслимых высот – из ЦК ВКП(б), а вернее, из еще более закрытого и тайного органа – Оргбюро ЦК ВКП(б), которое, собственно, и приняло постановление «О перестройке быта».

Научные исследования (архитектурные и социологические), посвященные дискуссии о

соцрасселении, трактуют ее как спор между урбанистами и дезурбанистами. Как выбор между концентрированной и рассредоточенной формами расселения. Как противопоставление обитания в домах-коммунах с полностью обобществленным бытом (Сабсович Л.М.) персональному жилищу в виде сборных и даже мобильных индивидуальных домиков (Охитович М.А.).

Действительно, взгляды участников дискуссии на природу социалистического расселения резко расходились. Но, подчас, что остается незамеченным и не отраженным в исследованиях, посвященных дискуссии о соцрасселении, они абсолютно совпадают во многих основополагающих моментах. Причем, не только у участников, занимающих «средние» позиции, но и у придерживающихся диаметрально противоположных точек зрения «урбанистов» и «дезурбанистов».

Например, все участники дискуссии разделяют утверждение о том, что «социалистическому способу производства» должен «соответствовать свой способ расселения, а каждому способу расселения соответствовать свой тип жилья» [3, С. 334]. Все они говорят о необходимости учитывать новые социально-политические условия советского государства; о необходимости кардинальной перестройки процессов появления, роста и развития городов, управления процессами, текущими в них: производства, быта, воспитания, обеспечения продуктами, вещами, услугами, транспортом и т.д., и т.п.

И урбанисты, и дезурбанисты рассматривают новую систему расселения в безусловной неразрывной связи с размещением новых производств [3, С. 335-336]. Их взгляды совпадают и в вопросах «равномерности размещения социалистического жилища»¹. Сходятся они и в вопросе независимости территориального расположения новой промышленности от существующих транспортных путей – водный, речной, автомобильный и те новые виды транспорта, которые должны появиться в недалеком будущем, обязаны «дотягиваться» до мест возведения промышленности, создавая транспортную сеть (инфраструктуру), способную глобально покрыть территорию страны и обеспечить тем самым в любой точке создание благоприятных условий доступности, коммуникации, транспортировки сырья, грузов и произведенной продукции. Сходятся они и во взглядах на предназначение соцгорода быть средой формирования нового человека. Как должное принимают и необходимость жесткой регламентации жизни в нем.

Следует заметить, что сами участники дискуссии отдают себе отчет в том, что позиции урбанистов и дезурбанистов различаются по вопросам, которые не являются принципиальными для социалистической градостроительной доктрины; они указывают на то, что «совершенно неверно пытаются противопоставить урбанистов и дезурбанистов ...» [4, С. 52]. Об этом, в частности, говорит Н. Милютин, открывая диспут в Комакадемии 20 - 21 мая 1930 г.: «Проблемы урбанизма или дезурбанизма не существует, как и не стоит проблемы строительства так называемых зеленых городов и городов-садов» [5].

То, что объединяет позиции урбанистов и дезурбанистов, оказывается несоизмеримо более глубоким и значимым, нежели моменты разногласий, которые, безусловно, есть, но относятся к второстепенным аспектам планировочного воплощения, а не к основополагающим постулатам социально-политической, социально-управленческой и социально-культурной реорганизации общества. Так, например, в подготовленной в конце 1929 – начале 1930 гг. редакционной статье журнала «Современная архитектура» [цит. по 6] члены редколлегии-урбанисты, открыто заявляют о совпадении своей позиции с позицией их оппонентов – дезурбанистов (других членов редколлегии): «Для нас, как и для дезурбанистов, не подлежит сомнению: 1) что способ общественного производства определяет формы общественного расселения и что, следовательно, новому социалистическому производству должно соответствовать в итоге новое социалистическое расселение; 2) что осуществление социализма означает уничтожение «кретинизма деревенской жизни» (Маркс) и «утонченностей» специфически городской, «столичной», «асфальтовой культуры», культуры скученных, лишенных природы людей, означает уничтожение противоположности между «городом» и «деревней»; 3) что осуществление социализма означает более или менее равномерное распределение высокой культуры по всей территории страны и что, следовательно, в процессе социалистического строительства желательнее планомерно проводить постепенную децентрализацию элементов, сосредоточенных в «мировых городах» – децентрализацию промышленности, высшей школы, административно-управленческого и хозяйственного аппарата и т.д., подымая культуру «деревни» до уровня «столицы»; 4) что осуществление социализма ведет к максимальному развитию и творческому росту каждой отдельной личности в коллективе и что, следовательно, проектируя жилище, необходимо предусмотреть необходимый максимум пространственных возможностей для личного культурного досуга, остающегося после общественной жизни, для развернутых личных способностей и удовлетворения личных потребностей; 5) что предлагаемые некоторыми в проектах «домов-коммун»

социалистических городов вместо полноценных жилищ «спальные кабины» площадью 5-7 кв.м, резко ограничивающие возможности личного развития, являются вульгаризацией идеи социалистического строительства, грубо упрощенной схемой, казарменно-аракчеевским «социализмом», не имеющим ничего общего с тенденциями развития и роста подлинно социалистической культуры» [6, С. 208]. Члены редколлегии-урбанисты также особо подчеркивают тот факт, что они, как и дезурбанисты, «разделяют общие предпосылки теории социалистического расселения» [6, С. 208].

Конечно, они подчеркивают и различие своих представлений: «мы выступаем против конкретных проектов дезурбанистов, предлагающих как систему расселения рассеяние индивидуальных домиков <...>. Мы выступаем против перепрыгивания через реальные условия <...>. Мы выступаем против сквозящего в проектах дезурбанистов фетишизации природы ... » [6, С. 208]. Но, отстаивая свои взгляды, и урбанисты, и дезурбанисты сходятся в базовых постулатах марксистской доктрины – и те, и другие ведут речь о том, чтобы не идти по пути, проторенному капиталистическим развитием городов, увлекаемыми стихией их роста. И те, и другие призывают оставить старые города, так как процессы их функционирования невозможно не переделать, не изменить. Старые города необходимо либо уничтожить, либо оставить, обратившись к пустым местам – туда, где решено будет разместить новую промышленность. И здесь нужно изначально по-новому, с самого начала правильным образом, формировать совершенно иные, чем при капитализме, собственно «социалистические поселения», в которых все будет устроено «как должно» и станет функционировать в соответствии с заложенной в них идеей.

Заметим, что после закрытия дискуссии именно эти общие положения останутся неизменными и будут определять дальнейшее развитие советской градостроительной теории. И в последующие годы именно это «общее содержание» позиций урбанистов и дезурбанистов составит существо государственной расселенческой доктрины и градостроительной политики.

Причем, власть, реализуя то общее, что объединяет урбанистов и дезурбанистов, делает это вовсе не из желания «равновесно» разрешить их спор или найти компромисс, устраивающий дискутирующие стороны. Это ей в высшей степени безразлично, так как она прекрасно знает, что, какое бы решение она не приняла, она найдет способ принудить всех исполнять его вне зависимости от персональных мнений или личных профессиональных воззрений. Она вообще игнорирует содержание дискуссии и после ее закрытия воплощает те или иные постулаты вовсе не потому, что почерпнула их из текстов выступлений. В рамках государственной градостроительной, расселенческой политики реализуется лишь то, что соответствует базовым марксистско-ленинским установкам.

И отвергаются предложения и урбанистов, и дезурбанистов властью также вовсе не потому, что она выбирает какое-то третье решение. А прежде всего, потому, что политическая терминология государственных органов, несмотря на использование одних и тех же слов («децентрализация» и «равномерное распределение населения», «общественное обслуживание» и др.), абсолютно не совпадает с аналогичными понятиями градостроительной теории.

Так, раскритикованный основоположниками марксизма-ленинизма и получивший отрицательную оценку феномен концентрации населения в капиталистических городах (приводящей к перенаселению, скученности, антисанитарии, эпидемиям и проч.), по логике вещей, должен в отношении социалистических городов вызывать стратегический отказ от урбанизации и привести к осуществлению дезурбанистических мероприятий. Кстати, именно из этой логики и исходят предложения архитекторов-дезурбанистов [7, С. 71-74]. Но, с точки зрения политической доктрины социализма, градостроительная теория дезурбанизации оказывается неприемлемой, так как исключает один из основополагающих принципов марксистско-ленинской теории – значение городов как «аккумуляторов пролетариата и пролетарской организованности»². Поэтому идея равномерного распределения населения по территории страны, последовательно доведенная архитекторами до своего логического градостроительного воплощения – до вида системы равномерно рассредоточенных индивидуальных жилищ или мобильных, свободно перемещаемых их владельцами по территории страны, не отвечает положениям марксистско-ленинской доктрины об «организующей и направляющей роли пролетариата», «сконцентрированного в пролетарских центрах». Дезурбанизация, с позиций градостроителей и «равномерное распределение населения по территории страны», со стороны организационно-управленческой стратегии власти – совершенно разные явления. Они кардинально различаются по смыслу, вкладываемому в эти слова архитекторами и политиками.

Следует особо подчеркнуть тот факт, что практические действия советского руководства по реализации государственной градостроительной политики, территориальному размещению

промышленности, осуществлению социалистического расселения, принудительным миграциям, реализации хозяйственно-экономических принципов возведения, устройства, эксплуатации социалистических городов, а также в отношении жилищных полностью опираются на концептуальные положения, содержащиеся в работах К. Маркса, Ф. Энгельса и В.И. Ленина. Основоположники писали, что развитие пролетариата – единственного, по марксовской теории, класса, способного к кардинальным социальным преобразованиям – неразрывно связано с прогрессом промышленности [8, С. 152-153]. Поэтому: а) развитие промышленности (индустриализация) является приоритетной и неоспоримой задачей (поэтому, любые иные стратегии – аграрного, аграрно-индустриального и проч. развития, с неизбежностью должны быть отвергнуты и реально отвергались); б) новая промышленность должна распределяться по территории страны максимально равномерно: «... уничтожение разрыва между городом и деревней ... условием его является возможно более равномерное распределение крупной промышленности по всей стране» [9, С. 308]; в) «рассредоточение» новой промышленности призвано исправлять прежний дисбаланс территориального размещения промышленности при капитализме – концентрацию ее в отдельных районах страны; необходимо «позволить промышленности разместиться по всей стране так, как это наиболее удобно для ее развития и сохранения, а также для развития прочих элементов производства» [9, С. 238-239]; г) равномерное размещение промышленности по территории страны должно быть неразрывно связано с равномерным размещением населения: «равномерное распределение крупной промышленности по всей стране» и «равномерное распределение населения по всей стране» [10, С. 277] призваны «установить гармоничное сочетание своих производительных сил по единому плану» [9, С. 238-239]; д) новая промышленность, размещаемая на неосвоенных территориях, и привязанное к ней население призваны давать импульс развитию неиндустриальных (сельскохозяйственных) территорий, окружающих промышленные зоны, обеспечивая «тесную связь промышленного и земледельческого производства наряду с необходимым для этого расширением средств сообщения» [10, С. 277]; е) отрываемое от земли (в ходе коллективизации) крестьянское население является материалом для формирования индустриального пролетариата, оно должно перемещаться (мигрировать) к местам возникновения новой промышленности (именно таким образом основоположники мыслили вырвать деревенское население из «идиотизма сельской жизни» [11, С. 428]).

Госплан СССР в программном документе «Перспективы развертывания народного хозяйства на 1926/27 – 1930/31 гг.» так разъяснял интерпретацию этих заповедей в разработанном им плане первой пятилетки: «Стихийное притяжение к себе крупных городских центров неизбежно будет вести к дальнейшему скоплению населения в немногих, наиболее перегруженных и перенаселенных городах-левиафанах. Плановый подход требует от нас решительного противодействия этой стихии. Мы должны планировать не дальнейший гипертрофический рост немногих центров, а децентрализацию и возможно равномерное распределение новых промышленных поселений по всей стране» [цит. по 12, С. 38].

Реализуя постулаты марксистско-ленинской теории о равномерном распределении промышленности и населения по территории страны, власть не может и не хочет отказываться от концентрации производительных сил в определенных местах. Именно поэтому, воплощая заповеди основоположников, концепция соцрасселения, не отрицает возможности концентрации пролетариата вокруг индустриальных предприятий. Напротив, она основывается на этом, так как иначе невозможно формировать пролетарские центры – промышленно-селитебные образования (социалистические города), которые рассматриваются как «опорные пункты диктатуры пролетариата» [цит. по 12, С. 163].

Концептуальное содержание государственных планов основано на постулате об объединении пролетариата в «организационно-управленческие ядра» – административные центры управления окружающей территорией, из которых он распространяет свое влияние на рассредоточенное непролетарское население прилегающих местностей. Подобное представляется неизбежным, потому что власть не способна опираться на разобщенные пролетарские элементы, не умеет руководить рассредоточенными пролетарскими массами. Потому столь категорически отвергается основной тезис дезурбанистов о «рассеянии населения», который, с точки зрения власти, ведет к «распылению организованных пролетарских кадров, обессиливает их в настоящий момент в борьбе с мелкобуржуазным окружением» [13, С. 140]. Именно поэтому еще в ходе дискуссии предельно четко и однозначно формулируется политическое требование, направленное против предложений архитекторов-дезурбанистов: «Всякие разговоры о «дезурбанизации», воспроизводящие настроение буржуазии, боящейся скопления пролетариата, толстовская ненависть к большим городам, должны быть откинута» [14].

Поэтому власть парадоксальным, как это может показаться на первый взгляд, образом призывает одновременно и к дезурбанизации (равномерному распределению промышленности), и к урбанизации (концентрации пролетариата в новых поселениях). Власть считает стратегически правильным перемещение промышленности в сырьевые регионы, тем самым приближая формируемую структуру военно-промышленного комплекса к энергетическим и природным ресурсам и сводя к минимуму транспортные издержки на транспортировку сырья. Отрывая от земли и «опролетаривая» крестьянство, она в организованном виде перемещает его в зоны территориально-производственного освоения. Она создает новые населенные пункты-соцгорода – так, чтобы они изначально были наилучшим образом приспособлены к задачам социального управления (содержали конкретную численность населения, согласованную с нормативами и плановым распределением фондов материального и продуктового снабжения, включали строго определенные типы жилищ, основывались на конкретных планировочных структурах, имели конкретный список объектов обслуживания, фиксированный социально-профессиональный состав населения и проч.). Так как существующие города к выполнению этих задач оказываются абсолютно не приспособленными, советская власть не желает в достижении своих индустриальных и расселенческих программ опираться на них и концептуально готова их разукрупнять, рассредоточивать и даже разрушать, передавая их функции городам-новостройкам. Только неспособность справиться с жилищным кризисом не позволяет немедленно осуществить эту цель практически. Поэтому в рамках намеченной стратегии пространственного и индустриального освоения новых территорий советская власть отводит существующим городам временную роль своеобразных «перевалочных пунктов». Старые города должны принимать «раскрестьяненное крестьянство», временно размещать его, опролетаривать за счет включения в существующие трудо-бытовые коллективы, а затем направлять на стройки пятилетки и, в частности, в соцгорода-новостройки – новые центры хозяйственного развития индустриально осваиваемых территорий. Под эти «транзитные» функции существующие города предлагается кардинально реконструировать: «вопрос о <...> реконструкции городского хозяйства является вопросом не только обслуживания живущих там сейчас трудящихся масс, но и вопросом размещения, передвижения и материально-культурного обслуживания новых сотен и миллионов рабочих»³.

В сравнении с этой стратегией, неверными оказываются предложения архитекторов-урбанистов, утверждающих существующие города в роли мест, наиболее выгодных (с хозяйственно-экономической и политической точек зрения) в качестве главных центров индустриального развития страны. И предложения архитекторов-дезурбанистов, отказывающихся от городов при переходе к дисперсному расселению.

В итоге получается, что логически выстроенные и последовательно сформированные советскими архитекторами-теоретиками градостроительные идеи урбанизации и дезурбанизации, их предложения в отношении существующих и будущих городов одинаково не отвечают организационно-управленческой стратегии партии. Тезисы о разукрупнении городов и о концентрации населения понимаются теоретиками-градостроителями, с одной стороны, и властью, с другой, совершенно по-разному. Поэтому власть и вынуждена запрещать градостроительные концепции урбанизма и дезурбанизма, какими бы целостными, логически завершенными и последовательно выстроенными, с точки зрения градостроительной теории, они не являлись.

Участникам дискуссии кажется, что обсуждаемая ими концепция соцгорода жизненно необходима структурам власти. Она нужна не только для разработки программ градостроительного проектирования, обеспечивающих выполнение планов первой пятилетки, но и призвана обеспечить коллективную работу административных органов по оценке и утверждению проектных решений, по их последующему материально-техническому, инженерному, кадровому и проч. обеспечению. Участники дискуссии убеждены, что концепция соцгорода нужна власти для согласования целей: государства, установок ведомственного заказчика, действий местных органов, запросов потребителя, воззрений проектировщиков. Они считают, что концепция призвана обеспечить появление таких конкретных заданий на проектирование, которые гарантированно не входили бы в противоречие с генеральными установками и политикой руководящих органов, учитывали возможности строительной технологии, обеспечивали взаимопонимание и практическое взаимодействие всех, кто участвует в возведении соцгородов, согласовывали интересы всех государственных, ведомственных и иных участников индустриального развития страны.

Но высшие органы государственно-политического руководства страной думают иначе – они устремлены на формирование специфической системы населенных мест, привязанной к структуре «военно-гражданского» производства и нацеленной на трудовое обслуживание его. На формирование

такой административно-территориальной структуры, которая способна осуществлять тотальный контроль и управление населением, обеспечивать максимально быстрое и полномасштабное осуществление трудовой и военной мобилизации населения. Для достижения этих целей власть не нуждается в специально построенных домах-коммунах, требующих еще и специально организованной системы обслуживания (питания, ухода за маленькими детьми, работы с подростками, организации бытовых процессов и т.д.). Она не желает направлять материальные средства и финансовые ресурсы на разрешение существующей жилищной проблемы, так как использует дефицит жилища для добровольного переселения людей в осваиваемые окраинные регионы и для удержания населения на новых местах обитания. Она не стремится комфортно обустраивать среду человеческого существования, сосредотачивая вместо этого все свои усилия на разработке полезных ископаемых, переработке природных ресурсов, на строительстве промышленных предприятий, развитии транспортной и энергетической инфраструктуры, на производстве вооружений. Она не желает вкладывать средства в повсеместное создание обобществленного быта.

Поэтому постановление ЦК ВКП(б) «О работе по перестройке быта» [15, С.118-119] запрещает всякие дальнейшие обсуждения направлений и путей развития отечественного градостроительства. Постановление четко и весьма недвусмысленно указывает: быт менять нужно, потому, что старые (именуемые «мелкобуржуазными», «мещанскими») формы повседневности и идеологически не должны сохраняться, и практически никак не могут быть реализованы в условиях, когда возводимое жилище полностью лишено воды, канализации, кухонь, ванн, детских комнат, гостиных, столовых и иных признаков старой жизни [16]. Не может быть и речи о каком-либо «полном обобществлении быта». Быт менять нужно, но не за счет государства. Потому что государство, которое сосредоточивает все свои ресурсы на быстрейшем формировании военно-промышленного комплекса, именуемого «индустриализацией» страны, не собирается брать на себя заботу о полном государственном обеспечении населения всем, необходимым для жизни: над «питанием, жильем, воспитанием детей с отделением их от родителей, с устранением бытовых связей членов семьи и административным запретом индивидуального приготовления пищи и др.» [15, С. 118-119].

Государство не собирается возводить «жилые комбинаты», пусть с маленькими (по 6-9 кв.м.), но все же индивидуальными комнатами для каждого обитателя, с кормлением и обстириванием коммунаров в пристроенных столовых и прачечных, не будет здесь же в медпунктах лечить их, развлекать в специально оборудованных досуговых помещениях, обеспечивать реквизитом для занятий спортом или художественно-культурной деятельностью. «Проведение этих вредных утопических начинаний, не учитывающих материальных ресурсов страны и степени подготовленности населения, привело бы к громадной растрате средств и жестокой дискредитации самой идеи социалистического переустройства быта» [15, С. 118-119].

Архитекторам, представителям общественности, членам партии, руководящим работникам, педагогам, гигиенистам, работникам коммунального хозяйства, экономистам, строителям не нужно попусту терять время и силы, фантазируя на тему социалистических городов. Соцгорода в контексте планов индустриализации призваны исполнять свою главную функцию – концентрировать трудовые ресурсы подле военно-промышленных предприятий. Первоочередные задачи: обеспечить в них минимальные санитарно-гигиенические условия проживания (чтобы не допустить эпидемий), организовать трудовое обучение молодежи (для постоянного пополнения рядов рабочих и служащих), разместить в каких-то приспособленных помещениях пункты медобслуживания, классы начальной школы, телеграфную станцию, почту, лавки для продажи предметов первой необходимости (чтобы можно было хоть как-то существовать). Все остальное – дело далекого будущего. А в настоящее время архитекторы, руководящие работники, специалисты и прочие должны исполнять указания партии и правительства – постановление поручает СНК СССР в 15-дневный срок «дать указания о правилах постройки рабочих поселков и отдельных жилых домов для трудящихся» [15, С. 119] – ими в дальнейшем и нужно будет руководствоваться всем без исключения проектировщикам при разработке генпланов новых соцгородов и рабочих соцпоселков.

Постановление предписывает прекратить споры о том, какими должны быть соцрасселение, соцгород, соцжилище, не размышлять больше о том, каким должно быть «общественное обслуживание быта трудящихся», а считать таковым, как в «новостроящихся, так и в существующих городах и поселках» – «прачечные, бани, фабрики-кухни, столовые, детские учреждения и пр.»⁴. Именно те объекты, которые обеспечивают предельный жизненно необходимый минимум бытовых услуг, без наличия которых невозможно существовать: общественные бани – чтобы люди, живущие в домах,

не имеющих ванн, могли где-то мыться; прачечные – чтобы хоть где-то можно было взять готовую горячую воду и постирать; общественные столовые – чтобы население, обитающее в жилье полностью без кухонь, а часто лишенным даже места, где можно было бы поставить примус, имело возможность питаться; детские учреждения – чтобы матери, имеющие маленьких детей, способны были полный рабочий день трудиться наряду с мужчинами; клубы и красные уголки – чтобы вести регулярную агитацию и пропаганду, придающую хоть какой-то смысл нечеловеческим условиям существования в городах-новостройках и т.п. [15, С.119].

Наличие именно этих объектов, а не что-то иное, предлагается теперь считать главным признаком поселения нового типа – «социалистического города». А сами соцгорода – основным элементом новой структуры расселения – «социалистического расселения».

¹Сабсович Л. М. СССР через 15 лет. Указ. соч.; Охитович М. К проблеме города ... Указ. соч.; Охитович М. Социалистический способ ... Указ. соч.

²«Некоторые наши горе-теоретики социалистического города оказались полностью в плену капиталистического города, от которого они отталкивались по методу худосочных буржуазных реформаторов, рассуждая по весьма своеобразному «диалектическому» методу: это – зло, следовательно, противоположное будет добром». (Светлов Ф., Горный С. Социалистический город в бесклассовом обществе // Плановое хозяйство – 1934 – № 2. с. 153-172., с. 158)

³Из резолюции Пленума ЦК ВКП (б) 15 июня 1931 г. по докладу т. Л.М.Кагановича о городском хозяйстве (Цит. по Боровой А.А. Планировка городов Московской области. Работы сектора планировки Московского областного проектного треста за 1925-1933 гг. М.: Госстройиздат. 1933. – 224 с., С. 3.)

⁴Постановление указывает: «при строительстве рабочих поселков при новых крупных предприятиях (Сталинградстрой, Днепрострой, Магнитогоркстрой, Челябинстрой и др.) ... предусмотреть оборудование этих поселков водопроводом, электрическим освещением, банями, прачечными, общественными столовыми, детскими учреждениями, клубами, школами и медицинской помощью» [15, С. 119].

Библиография

1. Хазанова В.Э. Советская архитектура первой пятилетки. Проблемы города будущего/ В.Э. Хазанова. – М.: Наука, 1980. – 374 с.
2. Гуревич И. Строительство соцгородов / И. Гуревич // Наше строительство. – 1932. – № 21-22. – С. 1010-1014.
3. Охитович М. Социалистический способ расселения и социалистический тип жилья // Вестник Коммунистической академии, 1929. – кн. 35/36 – 392 с.
4. Пузис Г. О новом способе расселения / Г. Пузис // Революция и культура. 1930. № 7. с. 46-53.
5. Вестник Коммунистической Академии. – 1930. – № 42.
6. Хан-Магомедов С.О. Архитектура советского авангарда. – В 2 кн. Кн.2: Социальные проблемы / С.О. Хан-Магомедов. – М.: Стройиздат, 2001. – 712 с.
7. Хан-Магомедов С.О. Михаил Охитович / С.О. Хан-Магомедов. – М.: Русский авангард, 2009. – 192 с.
8. Маркс К., Энгельс Ф. Манифест коммунистической партии / К. Маркс, Ф. Энгельс // Избр. соч. В 9 т. Т.3. – М.: Политиздат, 1985. – XVIII, 673 с.
9. Энгельс Ф. Анти-Дюринг. Переворот в науке, произведенный господином Евгением Дюрингом / Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. Т. 20. – М.: Госполитиздат, 1961. – 828 с.
10. Энгельс Ф. К жилищному вопросу / Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. Т.18. – М.: Госполитиздат, 1961. – 808 с.
11. Маркс К., Энгельс Ф. Манифест коммунистической партии. Т. 4. – М.: Госполитиздат, 1955. – 616 с.
12. Колычев А. Город прошлого и будущего / А. Колычев // Советское строительство. – 1928. – № 10 (27) – С. 37- 49.
13. Мордвинов П. Строительство новых городов / П. Мордвинов // Литература и искусство. – 1930. – № 1. – С. 139-149.

14. Крупская Н. Города будущего / Н. Крупская // Комсомольская правды. – 1929. – № 289 от 15 декабря.

15. О работе по перестройке быта – Постановление ЦК ВКП (б) / КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК (1898-1986). Т. 5. 1929-1932. – М.: Политиздат, 1984. – 446 с.

16. Меерович М.Г. Типология массового жилища соцгородов-новостроек 1920-1930-х гг. [электронный ресурс] / М.Г. Меерович // Архитектон: известия вузов. – 2010. – №31. – Режим доступа: http://archvuz.ru/2010_3/6

Статья поступила в редакцию 05.12.2011

HISTORY OF ARCHITECTURE

URBANISM OR DISURBANISM?

A debate about the future of the Soviet cities

Meerovich Mark G.

DSc (History), PhD (Architecture),
Professor, Corresponding Member of the Russian Academy of Architecture and Civil Engineering,
Corresponding Member of the International Academy of Architecture,
Irkutsk State Technical University,
Irkutsk, Russia

Abstract

The debate about socialist resettlement is one of the key events in the history of the pre-war period in Soviet town-planning. It is well known that the views of the participants of that debate concerning the nature of socialist resettlement were sharply divergent. However, often they were absolutely agreed on a lot of essential issues, the fact that is overlooked and is not reflected in studies devoted to the debate about socialist resettlement. Moreover, such agreement in views was present not only among participants occupying "middle" positions but also between those who occupied absolutely opposite positions, such as "urbanists" and «disurbanists».

Paradoxically as it may seem at first sight, the Soviet leaders proclaimed simultaneously both disurbanisation (uniform distribution of industry) and urbanization (concentration of proletariat in new settlements). By way of realising the postulates of the Marxist-Leninist theory on uniform distribution of industry and population across the country, the authorities tended to concentrate new labour – peasants uprooted from their villages and «proletarianised» at the building sites of the five-year period – around the enterprises of the military-industrial complex.

The logically faultlessly constructed and consistently developed town-planning ideas of urbanization and disurbanisation of the Soviet architects/theorists and their proposals for existing and future cities were rejected because they also failed to meet the requirements of that organizational and management strategy.

Key words

Socialist city, socialist resettlement, industrialisation, town-planning policy in the USSR, urbanism, disurbanism